

„Встряска“.

Страничка изъ Мишкиной жизни.

... Однажды въ праздничный вечеръ онъ стоялъ на галлерей цирка, плотно прижавшись грудью къ дереву периль и, блѣдный отъ напряженнаго вниманія, смотрѣлъ очарованными глазами на арену, гдѣ кувыркался ярко одѣтый клоунъ, любимецъ цирковой публики.

Окутанное пышными складками розовато и желтаго атласа тѣло клоуна, гибкое, какъ у змѣи, мелькая на темномъ фонѣ арены, принимало различныя позы: то легкія и граціозныя, то уродливыя и смѣшныя; оно, какъ мачъ, подпрыгивало въ воздухѣ, ловко кувыркалось тамъ, падало на песокъ арены и быстро каталось по ней. Потомъ клоунъ вскакивалъ на ноги и смѣлый, довольный собой весело смотрѣлъ на публику, ожидая отъ нея рукоплесканій. Она не скудилась и дружно поощряла его искусство громкими смѣхомъ, криками, улыбками одобренія. Тогда онъ вновь извивался, кувыркался, прыгалъ, жонглировалъ своимъ компаномъ; при каждомъ движеніи его золотыя блески, нашитыя на атласѣ, сверкали, какъ искры, а мальчикъ съ галлерей жадно слѣдилъ за этой игрой гибкаго тѣла, и, прищуривая отъ удовольствія свои черныя глаза, улыбался тихой улыбкой неизяснимаго удовольствія.

— Фоть такъ! доманымъ языкомъ и тонкимъ голосомъ говорилъ клоунъ, перепрыгивая черезъ стулъ.

— И фоть такъ... онъ вспрыгнулъ на спинку стула, нѣсколько секундъ балансировалъ на ней, но вдругъ не естественно изогнувшись, упалъ и, съжившись въ комѣ, вѣсть со ступомъ замелькалъ по аренѣ, такъ что, казалось, будто стулъ ожилъ и гонится за нимъ. Мальчикъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалъ клоунъ, и увлеченный его ловкостью, невольно отражалъ и повторялъ на своей рожицѣ всѣ гримасы уморительно-подвижнаго, набѣленнаго лица. Онъ повторялъ бы и жесты, но былъ сти снутъ со всѣхъ сторонъ до того, что не могъ двинуть рукой, Сзади на него нависла какой-то бородачъ, въ кучерскомъ костюмѣ, съ боковъ тоже давили его. На галлерей было душно; грудь, прижатая къ дереву периль, болѣла, ноги ныли отъ усталости и полученныхъ толчковъ, но—какъ ловко и красиво этотъ клоунъ и какъ любъ онъ всѣмъ! Увлеченіе мальчика ловкостью артиста возвышалось до благоговѣйнаго чувства, онъ молчалъ, когда публика громко выражала свои одобренія клоуну, молчалъ и порой вздрагивалъ отъ желанія самому быть тамъ, на аренѣ, кувыркаться по ней въ сіяющемъ костюмѣ, смѣшить людей, слышать ихъ похвалы и видѣть сотни веселыхъ лицъ и внимательныхъ глазъ, устремленныхъ на него. Сильное, но смутное чувство, вла-

стно схватившее мальчика было, въ общемъ, темнымъ чувствомъ—оно не оживляло, а подавляло своей силой, въ немъ было много грусти и зависти, еще болѣе обострившихся каждый разъ, когда у мальчика всыхивала мысль о томъ, что все это, красивое и пріятное, какъ сонъ, должно скоро кончиться и опять ему придется идти домой, въ темную и грязную мастерскую...

А клоунъ всталъ на четвереньки, одну ногу вытянулъ и прыгая по аренѣ на другой и на рукахъ, съ визгомъ и хрюканьемъ скрылся, возбуждая въ публикѣ дружный хотеть. Слѣдующимъ номеромъ программы была борьба двухъ атлетовъ, потомъ выѣхала на лошади барыня въ длинномъ черномъ платьѣ и въ шляпѣ, похожей на маленькое ведерко, за ней вышли трое акробатовъ... было и еще много разныхъ „номеровъ“, но изъ нихъ вниманіе маленькаго зрителя заняли только двое артистовъ, еще болѣе маленькихъ, чѣмъ онъ самъ. Исполняя трудное упражненіе на турникахъ, они ушли, но и они не затушевала того впечатлѣнія, которое оставилъ клоунъ.

Когда представленіе кончилось, и публика съ шумомъ стала расходиться—мальчикъ съ галлерей все еще медлилъ уходить и смотрѣлъ на арену, гдѣ уже гасили огни. Вотъ тамъ явился какой то низенькій господинъ съ тростью въ рукѣ и съ сигарой въ зубахъ.—Это и есть самый онъ... клоунъ-то, сказалъ бородачъ и, широко улыбаясь, добавилъ:—очень я его хорошо знаю... хоша онъ и обрядился въ настоящее...

Мальчикъ слышалъ эти слова и пристально смотрѣлъ на человека съ сигарой, который стоялъ среди арены, что-то приказывая людямъ въ красныхъ мундирахъ, суетившимся по ней. Это—блестящій, ловкій клоунъ? И мальчикъ разочарованно тряхнулъ головой—не понравилась ему, что такой удивительный человекъ одѣвается, какъ самый обыкновенный модный баринъ. Вотъ, если-бы онъ, Машка, былъ клоуномъ, онъ такъ-бы и ходилъ по улицамъ въ яркомъ, широкомъ атласномъ костюмѣ съ золотомъ и въ высокомъ бѣломъ колпакѣ. И Машка вышелъ изъ цирка, рѣшительно недовольный этимъ несприятнымъ превращеніемъ артиста въ обыкновеннаго человека.

Длинная улица лежала предъ мальчикомъ; по обѣимъ сторонамъ ея, какъ двѣ нити крупныхъ огненныхъ бусъ, протягивались въ даль фонари, оживленно и безмолвно составаясь съ тьмой ночи, полной говора людей и дребезга пролетокъ. Вспоминая выходки клоуна, мальчикъ улыбался, а иногда, перепрыгивая черезъ виадучу на панели или вскакивая на ступеньку крыльца, вполголоса восклицалъ:

— Фоть такъ! И фоть такъ!...

И воспроизводя на лицѣ гримасы и ужимки, потѣшавшія публику, мальчикъ порой останавливался предъ окнами магазинновъ и серьезно по долгу разсматривалъ свое отраженіе на стеклѣ.

Удовлетворенный видом своей исковерканной гримасами скуластой рожицы съ маленькими, живыми, черными глазами, онъ весело подпрыгивалъ и свисталъ. Но уже въ немъ являлась нѣчто портившее ему настроеніе — память, оживленная боязней наказанія, чувствомъ, которое постоянно жило въ худой груди Мишки, — память упорно возстановляла предъ нимъ завтрашній день — тяжелый, суетливый день!

Завтра утромъ онъ проснется, разбуженный сердитымъ окрикомъ кухарки и пойдетъ ставить самоваръ для мастеровъ. Потомъ приготовитъ посуду для чая на длинномъ столѣ среди мастерской и станетъ будить мастеровъ, а они будутъ ругать его и лягаться ногами... Пока они пьютъ чай — онъ долженъ прибрать ихъ постели, вынести мастерскую, потомъ, выпивъ стакачь холоднаго и спитого чая, онъ достанетъ изъ угла мастерской большую каменную плиту, положитъ ее на табуретъ и съ пирамидальнымъ камнемъ въ рукахъ усядется растирать краску. Отъ возни тяжелымъ камнемъ по плитѣ у него заболитъ, занеютъ и руки, и плечи, и спина. Послѣ обѣда около часа отдыха, онъ уберетъ со стола и, свернувшись гдѣнибудь въ углу — заснетъ, какъ котенокъ... а разбудить его пинкомъ. Можетъ быть, его заставятъ чистить пензой доски, зашпаклеванные подъ иконы, и онъ, кашляя и чихая, долго будетъ дышать тонкой мѣловой пылью. И такъ весь день, до ужина...

Единственное приятное, что испытывалъ Мишка и чего онъ всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ — это приказаніе бѣжать куданибудь — къ столяру за досками для иконъ, въ москательную лавку, въ кабакъ за водкой... А самымъ неприятнымъ и даже страшнымъ для него было копотливое и требовавшее большой осторожности порученіе приготовить яичныхъ желтковъ для красокъ. *) Нужно было осторожно разбить яйцо, слить желтокъ въ одну чашку, бѣлокъ въ другую, а онъ то портилъ яйцо, раздавливая въ немъ желтокъ, то сливалъ бѣлокъ въ чашку съ желткомъ и портилъ уже всѣ желтки, которые успѣлъ отдѣлать. За это — били.

Скучную и нелегкую жизнь изживалъ онъ...

... Дойдя до воротъ хмураго двухъ-этажнаго дома, окрашеннаго въ какую-то рыжую краску, Мишка торкнулся въ калитку и, убѣдившись, что она заперта, тотчасъ же рѣшилъ перелѣзть черезъ заборъ, что и исполнилъ быстро и безшумно, какъ кошка. Проникая во дворъ такимъ необычнымъ путемъ, онъ избѣгалъ подзатыльника, которымъ непременно отплатилъ бы ему дворникъ за безпозволеніе отворять калитку, — вѣдь, всегда пріятно получить однимъ подзатыльникомъ меньше противъ того, сколько вамъ ихъ назначено — отъ судьбы. А кромѣ этого, Мишкѣ было и не выгодно, чтобъ

дворникъ видѣлъ, гдѣ онъ ляжетъ спать. Хитрый мальчишкѣ для сна всегда выбиралъ самые укромные уголки двора — этимъ онъ выигрывалъ у хозяина нѣсколько лишнихъ минутъ сна, ибо по утру, для того, чтобъ разбудить Мишку, — сначала нужно было найти его. И теперь онъ тихо пробрался въ уголокъ двора, тамъ въ узкой дырѣ между поlyingающей дровъ и стѣной погреба зарылся въ солому и рогожи, съ наслажденіемъ вытянулся на спинѣ и нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ небо. Въ небѣ сверкали звѣзды... Онъ напомнилъ Мишкѣ золотыя блески на атласномъ костюмѣ клоуна, онъ зажмурилъ глаза, улыбнулся сквозь дрему и, беззвучно одними губами повторилъ:

— Фотъ такъ..., — уснулъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

... Проснувшись его заставило странное ощущеніе: ему показалось, что лѣвая нога его быстро бѣжить куда-то и тащить за собой все тѣло. Онъ съ испугомъ открылъ глаза.

— Чертеночк! укоровизненно говорила кухарка, дергая его за ногу — опять ты спрятался? вотъ я ужю — погоди! — скажу хозяйкѣ...

— Это я, тетинька Палагея, не прятался, — вотъ, ей Богу, не прятался! и Мишка, вскочивъ на ноги, убѣжденно перекрестился.

— Черти тебя спрятали?

— А я пришелъ и было вездѣ заперто... дядя Николай сталъ бы ругаться, — ну я — махить черезъ ворота... скороговоркой объяснилъ Мишка, зорко слѣдя за руками тетеньки Палагеи.

— Иди, иди, шишега, ставь самоваръ-отъ, вѣдь, ужъ скоро шесть часо-овъ...

— Это я чичасъ! съ полной готовностью воскликнулъ Мишка и довольный тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался, сломя голову побѣжалъ въ кухню.

Тамъ, бодро взявъ около самовара, позелѣвшаго отъ старости, пузатаго ветерана съ исковерканными боками, Мишка вступилъ въ бесѣду съ кухаркой.

— Ну ужъ въ циркѣ вчерась — ахъ тетинька! здорово представляли! шуря глаза отъ удивольствія, сказалъ онъ.

— Я тоже было хотѣла пойти, — угрюмо отозвалась кухарка и со злымъ вздохомъ добавила — да развѣ у насъ вырвешься!

— Вамъ вельзя, — серьезно сказалъ Мишка и такъ какъ онъ былъ великій дипломатъ, то, отвѣтивъ кухаркѣ сочувственнымъ вздохомъ, — пояснилъ свои слова:

— Потому вы вродѣ, какъ на каторгѣ...

— То-то что...

— А ужъ былъ тамъ паяцъ одинъ... ахъ и шельма!

— Смѣшной? заинтересовалась кухарка оживленіемъ Мишки.

— Тотъ просто уморушка! Согнетъ онъ какойнибудь крендель — такъ всѣ за животки и возьмутся! живо описалъ Мишка, держа въ рукахъ пучекъ зажженной лучины.

— Ишь ты... люблю я этихъ паяцовъ...

*) Краски, которыми пишутъ большинство иконъ, разводятся на желтѣхъ яѣцъ.

кладу лучину-то въ самоваръ—руки сожжешь.

— Фюте! Готово!.. Рожа у него—какъ на пружинахъ... ужъ снѣ ее и такъ кривить, и эдакъ... Машка показалъ, какъ именно палецъ кривить рожу.

Кухарка взглянула на него и расхохоталась.

— Ахъ ты... тараканъ ты... вѣдь, ужъ черенялъ! Стунай, убирай мастерскую-то, ангилотка.

— И фюте такъ! пискливо крикнулъ Машка, исчезая изъ кухни, сопровождаемый добродушнымъ смѣхомъ Палаген. Прежде чѣмъ попасть въ мастерскую, онъ подбѣжалъ въ сѣняхъ къ кадкѣ съ водой и, глядя въ нее, продѣлалъ вѣсколко гримасъ. Вышло на столько хорошо, что онъ даже самъ разсмѣялся.

...Этотъ день сталъ для него роковымъ днемъ и днемъ триумфа. Съ утра онъ разсказывалъ въ мастерской о клоунахъ, воспроизводилъ его гримасы, изгибы его тѣла, пискливую рѣчь и все, что вѣзало въ его память. Мастеровъ томила скука, они рады были и той невѣроятливой забавѣ, которую предлагалъ имъ увлеченный Машка, они поощряли его выходки и къ вечеру уже звали его—паяцъ.

— Паяцъ! На-ко вымой кисти!

— Паяцъ! Принеси лазури!

И Машка, чувствуя себя героемъ дня, бѣлкой прыгалъ по мастерской, все болѣе входя въ роль потѣшника, гримасничая и ломаясь. Эта роль, привлекая къ нему общее и доброе вниманіе мастеровъ, льстила его маленькому самолюбію и весь день охраняла его отъ щелчковъ, пенковъ и выхъ поощреній, обычныхъ въ его жизни. Но—тѣмъ выше встанешь, тѣмъ хуже падать, это, вѣдь, извѣстно...

Вечеромъ, предъ концомъ работы, одинъ изъ мастеровъ, писавшій поясной образъ св. великомученика Пантелеймона, подовзалъ къ себѣ Машку и сказалъ ему, чтобы онъ поставилъ икону, еще сырую, на окно. Машка, кривляясь, схватилъ образъ и... смазалъ пальцемъ краску съ ящичка въ рукѣ Св. Цѣлителя.... Блѣдный, отъ испуга онъ молча и вопросительно взглянулъ на мастера.

— Что? Дорвался? ехидно спросилъ тотъ.

— Я нечаянно-о... тихо протянулъ Машка.

— Дай сюда...

Машка покорно отдалъ ему икону и потупился.

— Давай башку!

— Господи! умоляюще взвылъ Машка...

— Ну?!

— Дядинька! я...

Но мастеръ схватилъ его за плечи и протянулъ къ себѣ. Потомъ онъ не торопясь запустилъ ему пальцы своей лѣвой руки въ волосы на затылкѣ снизу вверхъ и началъ медленно поднимать мальчика на воздухъ. Машка подобралъ подъ себя ноги и поджалъ руки, точно онъ думалъ, что отъ этого тѣло его станетъ легче—и съ искаженнымъ

отъ боли лицомъ повисъ въ воздухѣ, отъ крывъ ротъ и прерывисто дыша. А мастеръ поднимая его лѣвой рукой на поларшина отъ пола, взмахнулъ въ воздухѣ правой и силой ударилъ мальчика по ягодицамъ сверху внизъ. Это называется „встряска“, онъ выдираетъ волосы съ корнями и отъ нея на затылкѣ является опухоль, которая долго заставляла помнить о себѣ.

Стоная, схватившись за голову руками Машка упалъ на полъ къ ногамъ мастера и слышалъ, какъ въ мастерской смѣялись надъ нимъ.

— Ловко кувырнулся, паяцъ!

— Это, братцы, воздушный полетъ.

— Ха-ха ха! Машка, а нука еще посади томорталъ! Этотъ смѣхъ рѣзалъ Машкѣ душу и былъ на много острѣе боли отъ „встряски“. Ему приказали подняться съ пола и накрывать на столъ для ужина. Въ кухню его ждало еще огорченіе. Тамъ была хозяйка—она поймала его и вачала трасти въ ухо, приговаривая:

— А ты, чертенокъ, спи, гдѣ велятъ, не прячься, не прячься, не прячься. Машка болталъ головой, стараясь попасть въ тактъ движеніямъ хозяйкиной руки и чувствовалъ едва одолжимое желаніе укусить его руку.

... Черезъ часъ онъ лежалъ на своей постели, подъ столомъ въ мастерской, сжавшись въ плотный маленький комочъ такъ точно онъ хотѣлъ задавить въ себѣ боль и горечь. Въ окна смотрѣла луна, освѣщая голубоватымъ сіяніемъ большія иконостѣны фигуры святыхъ, стоявшія въ рядъ стѣны. Ихъ темные лики смотрѣли сурово и внушительно въ торжественной безмятежности своей славы, лунный свѣтъ придавалъ имъ видъ презраковъ, смягчая рѣзкія краски и оживляя складки тяжелыхъ рваныхъ раменахъ.

Безъ думъ, весь поглощенный чувствомъ обиды, мальчикъ покорно ожидалъ, когда чувство затихнетъ... а блестящія краски иконъ постепенно вызвали воспоминанія вчерашнемъ вечерѣ, о красивыхъ костюмахъ ловкихъ, гибкихъ людей, которые такъ свободно прыгаютъ, такъ веселы и красивы.

... И вотъ онъ видитъ арену цирка и бежа на ней, съ необычайной легкостью онъ совершалъ самыя трудныя упражненія и усталостью, а сладкой и пріятной нѣгой отзвывались въ его тѣлѣ... Громъ рукоплескъ и восторговъ... полный восхищенія предъ своей ловкостью, веселый и гордый онъ прыгнулъ высоко въ воздухъ и, сидя вожжаемый гуломъ одобренія, плавно полетѣлъ куда-то, полетѣлъ со сладкимъ замраніемъ сердца... чтобы завтра снова прыгнуть на землѣ отъ пинка...

М. Горькій.